

шоқы, Жаршоқы, Қарашық, Құмшоңқал, Үшшоңқал, Шоқай, Шоқан, Шоқырақтау т.б. жағдайы.

Маңғыстау топонимиясында жер-су атауларының пайда болуына байланысты сақталған аңыздар да ерекше орын алады. Мәселен, Ақоттынар, Жабайұшқан, Қарагөз, Қаңғырғазәулие, Қошақ, Құлаат, Үлек т.б. Бірақ жер-су атауларындағы кейбір халықтық этимология ғылыми этимологиядан алшақ кетіп, атау мағынасымен қиыспай жатады. Ғалым Е.Жұбанов: «Ондай деректердің бәрі тарихи шындық тұрғысынан аса дәлелді болмағанымен, белгілі бір өлкені мекен еткен жұрттың, бұқара көпшіліктің ой-арманын, кәсібі мен характерін танытатын елеулі тілдік-әдебиеттік кепілдеме ретінде сөздік қорымыздың құрамынан тиісінше үлес алады» [3, 49 б.], – деп көрсетеді.

Маңғыстау – тарихи жер-су атауларын барынша сақтап, бізге жеткізген, қазақ топонимиясында қайталанбас өзіндік ерекшелігі бар – өңірдің бірі.

Адамзат мәдениетінің тарих беттерінің құрамдас бөлігі болып табылатын еліміздің жер-су атауларын жинау, зерттеу, сақтау және ұқыпсыз пайдаланудан қорғау азаматтық парызымыз болып табылады. Бүгінгі ұрпақ, өркениетке ұмтылған жас өркендеріміз ата-бабаларымыз қал-

дырған асыл мұра – жер-су атауларын барынша қастерлеп, ат қою шеберліктеріне қайран қалары сөзсіз. Жер-су атаулары – патриоттық тәрбиенің, шабыт пен қуаныштың, жарқын сезім мен талаптың мәңгі және сарқылмайтын көзі.

«Жеті жұрт келіп, жеті жұрт кеткен» киелі Маңғыстау топонимдерінің құрамында сол өңірді мекендеген халықтардың шаруашылығымен, тұрмыс-тіршілігімен, наным-түсінігімен тығыз байланысты, облыс территориясының фаунасы мен флорасына, тарихи-әлеуметтік жағдайына байланысты көне сөздер мен сөз тіркестерінің, бүгінгі тілдегі категорияларға ұқсамайтын тұлғалардың, дыбыстық ерекшеліктері мен грамматикалық көрсеткіштердің тарихи сілемдері кездеседі. Сондықтан да өлке топонимиясын этностың тарихымен, шаруашылығымен, мәдениетімен тығыз байланысты қарастыру бүгінгі күннің өзекті мәселелерінің бірі.

1. Қондыбаев С. Маңғыстау географиясы. – Алматы, 1997, - 135 б.

2. Федорович Б.А. Лик пустыни. – Москва, 1950, - 247 с.

3. Жұбанова А. Жұбанов Е. Топонимиялық деректердегі аңыз бен ақиқат//Қазақ ономастикасының мәселелері. – Алматы, 1989, 49-59 бб.

4. Мақұлбек А.Е. Қазақ топонимдерінің фоносемантикалық сипаты: филол. ғыл. канд. ...дис. – Алматы, 2008, - 128 б.

5. Маңғыстау энциклопедиясы. – Алматы: Атамұра, 1997, – 384 б.

Г. А. Кривенко

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА КАК ПРОЦЕСС АВТОРСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Современные лингвистические теории отличает стремление выявить «посредническую» функцию языка между человеком и внеязыковой реальностью и показать, что язык несет отпечаток способов освоения человеком реальности и в то же время, будучи средством концептуализации этой реальности, воплощает языковую картину мира и накладывает отпечаток на восприятие реальности человеком, которое осуществляется сквозь призму языка.

Язык служит универсальной формой накопления, хранения, обработки знаний и передачи информации. Он сложнейшим образом переплетается со знаниями о мире, проверенными общественной практикой результатами познания

действительности и адекватного ее отражения в сознании человека, поэтому проблемы представления знаний в языке на современном этапе развития лингвистики являются чрезвычайно актуальными. «Язык до сих пор лучшее окно в знание, ведь мы все время используем язык, чтобы выразить его» [1, с. 27].

Современная лингвистика в целом складывается как антропологическая, то есть исследование языковых процессов происходит в неразрывной связи с потребностями коммуникативной деятельности и предполагает учет человеческого фактора, когда субъект речи включается в описание языковых механизмов. Базой для такого изучения результатов познавательной

деятельности человека и закрепление их в языке стал феномен «картина мира».

Понятие «картина мира» широко использовалось учеными-философами, логиками, а также исследователями частных наук еще в начале XX века. Однако в последние десятилетия изучение данного философского понятия получило несколько иную ориентацию, в которой мир идентифицируется и интерпретируется не как конгломерат вещей и предметов, а как совокупность событий и фактов, сопряженных с человеческим сознанием и языком. В лингвистике, в частности, при когнитивном подходе к языку, это привело к тому, что внимание исследователей переключилось с предметно-пространственного аспекта мира на его событийно-временные характеристики и соответствующие им концепты. «Мир предстал не как вещевой склад, на полках которого лежат рассортированные по классам предметы и признаки, а как совокупность фактов», – пишет Н.Д. Арутюнова [2, с. 101].

Р.Х. Хайруллина определяет понятие «картина мира» как результат реального состояния общественного сознания и познавательной деятельности. Человек воспринимает окружающую действительность как «картину», в которой все предметы и явления мира взаимосвязаны, поэтому картина мира является одним из способов структурирования информации об объективной действительности [3, с. 5].

Картина мира – это глубинный слой миропонимания человека, созданный в результате двух процессов: во-первых, в результате опредмечивания, объективирования и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности человека, и прежде всего его практической деятельности, во-вторых, в результате создания, разработки новых образов миров в результате рефлексии объективной действительности [3, с. 6].

Картина мира – это многослойная структура, в которой различные типы картин мира – от общечеловеческой до индивидуальной – находятся в иерархических отношениях друг с другом.

Мысль об особом языковом мировидении была сформулирована В. Гумбольдтом еще в начале XIX в. Именно им был создан проект науки о языке на антропологических началах. Поэтому понять природу языка и объяснить ее можно, лишь исходя из человека и его окружающего мира. «Постигая предметы, человек сближается с внешней природой, – писал В. Гумбольдт, – и самостоятельно развертывает

свои внутренние ощущения в той мере, в какой его духовные силы дифференцируются, выступая между собой в разнообразные соотношения; это запечатлевается в языкотворчестве...» [4, с. 104].

Человек не просто воспринимает окружающий мир, он его частица, поэтому в языке находит выражение не только сама объективная реальность, но и место самого познающего субъекта в ней. Интересна в этом плане теория немецкого философа XX в. М. Хайдеггера, считавшего, что человек представляется как сущее в мире, в своем бытии связанное с Космосом, Землей, а поиск истины бытия осуществляется через язык. «Путем описания формальных структур здесь – бытия как потока сознания человек через внутреннее бытие мира дает картину человеческого существования», – пишет М. Хайдеггер. Мир и человек, по мнению философа, образуют единство. А в мире человек выделяется только потому, что его «человеческая сущность заключается в языке» [5, с. 177].

Понятие «картина мира» рассматривается учеными, во-первых, как совокупность объективных знаний об окружающей действительности (так называемая концептуальная картина мира), составляющими которой являются жизненно важные для человека понятия и их концепты, и, во-вторых, как картина мира, отображенная с помощью специальных знаков, несущих информацию об объективной действительности (так называемая языковая картина мира).

Термин «языковая картина мира» впервые ввел в языкознание немецкий ученый Л. Вайсгербер, который отмечал, что в каждом языке содержится особое мировоззрение, что каждый язык составляет единство (целостность) мировоззрения, поскольку он содержит выражение всех представлений, которые каждый народ создает об окружающем его мире, и всех ощущений, которые мир в нем вызывает. Следовательно, язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. В своей реальной деятельности человек оперирует сведениями о мире, и в голове носителя языка образуется некая база таких сведений, посредством которых и создается языковая картина мира. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. «Картина мира – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении – феномен более сложный, чем языковая картина мира, то есть та часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и

преломлена через языковые формы. Не все воспринятое и познанное человеком, не все прошедшее и проходящее через разные органы чувств и поступающие из вне по разным каналам в голову человека, имеет или приобретает вербальную форму» [6, с. 142-143].

Языковая картина мира дополняет объективные знания о реальности. Вместе с тем, как справедливо отмечает Ю.Н. Караулов, «семантические компоненты, их набор и толкование не должны переходить грань восприятия среднего носителя языка, так как в противном случае утратится сама цель данного описания, ориентированного, прежде всего на человека – носителя языка и пользователя языком» [7, с. 183]. Раскрытие темы человеческого начала в языке требует, прежде всего, уточнения, какие свойства имеет язык именно как естественный язык человека. Свойства естественного языка у человека неоднородны. Некоторые черты естественного языка являются уникальными, другие же свойственны всем или многим знаковым системам.

Исследование человеческого фактора в языке приобретает новый ракурс рассмотрения в связи с изучением картины мира, в частности в связи с языковой картиной мира. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. По мнению Б.А. Серебренникова, картина мира, отражаемая человеческим сознанием, с одной стороны, космологически ориентирована (она является глобальным образом мира), с другой стороны, она «антропоморфична (несет в себе черты специфически человеческого способа миропостижения)». Автор справедливо отмечает, что любая картина мира, которую создает и воспринимает человек, связана с возможностями воспринимаемого. «Она не может быть выполнена в «языке» незнакомому человеку. Картина мира должна быть обозримой; она не может быть бесконечной, последняя была бы лишена целостности и превышала бы визуальные возможности человека». Б.А. Серебренников полагает, что «наивная картина мира», которая находит выражение в самой возможности мыслить явлениями природы, создается по антропоцентрическому канону [8, с. 87-107].

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запе-

чатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как «языковой промежуточный мир», то как «языковая репрезентация мира», то как «языковая модель мира», то как «языковая картина мира».

Каждый язык по-своему членит мир, то есть имеет свой способ его концептуализации, следовательно, любой язык имеет особую картину мира, которую организует языковая личность в соответствии с ней. В этом проявляется и специфика национальной картины мира, отраженной с помощью языка. Человек и среда находятся в постоянном взаимодействии, результаты которого составляют картину мира. Таким образом, можно смело утверждать, что концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

Картина мира может предстать, как система образов, если явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа.

Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения. Маркерами картины мира могут быть:

- пространственные показатели (*верх – низ, правый – левый, восток – запад, далекий – близкий*);
- временные (*день – ночь, зима – лето*);
- количественные (цифра «*семь*» в восточной культуре, цифра «*три*» в славянской лингвокультуре);
- этические и другие параметры.

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

По мнению В.Б. Касевича, «картина мира, закодированная средствами языковой системы, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языко-

вого инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом» [9, с. 211]. Таким образом, автор приходит к выводу, что возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения.

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации «концептуализации» мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

Таким образом, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы «пространство значений» (А.Н. Леонтьев), то есть закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, то есть языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Язык составляет часть семиотической или

символической функции, человек пользуется им в качестве одного из разнообразных способов репрезентации для самого себя внешнего мира, своих собственных действий, своего опыта. Всякий акт употребления языка представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. Следовательно, изучение индивидуального творчества писателя поможет определить рамки национального видения и понимания русского народа объективных процессов жизни.

1. Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М., 1975. – 432 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии. – М., 2001. – 494 с.
4. Гумбольдт В.фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
5. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. / Сост., пер. с нем. и комм. В.В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
6. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 141-172.
7. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976. – 356 с.
8. Серебренников Б.А. Как происходит отражение мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 87-107.
9. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 292 с.

Мақалада тілдегі адам факторы элементі тілдік бейнесін зеттеуімен байланысты жан-жақты қарастырылады.

Б. Х. Кусанова

О КОНСТАНТНЫХ И ВАРИАТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ В ПРОСОДИЧЕСКОМ ОФОРМЛЕНИИ АНГЛИЙСКОЙ РИТМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Данная статья имеет своей главной целью описание характера зависимости просодических признаков, присущих английской ритмической группе, от темпа речи, положения ритмической группы во фразе, метрической структуры ритмической группы. Предполагается рассматривать просодическое оформление ритмических групп в рамках речевого ритма, имея при этом в виду, что просодические средства оформления ритмической группы носят, по-видимому, не

просто частный характер, а отражают общие закономерности ритмической организации речи каждого конкретного языка.

Ритм в традиционном понимании предполагает следование ритмических групп через более или менее равные промежутки времени и, следовательно, возобновление некоей совокупности фонетических особенностей ритмической группы, свойственных тому или иному языку. Логично предположить, что в ритмической